

Военные
Приключения

ШАЛЬНАЯ МУЗЫКА

МИХАИЛ ЧЕРНЕНКО

Военные приключения

Михаил Черненко

Шальная музыка (сборник)

«ВЕЧЕ»

2012

Черненко М. Я.

Шальная музыка (сборник) / М. Я. Черненко — «ВЕЧЕ»,
2012 — (Военные приключения)

Произошло убийство, жестокое и на первый взгляд совершенно бессмысленное. Кому мог помешать безобидный парнишка-инвалид? О чём он писал в так и не отправленном письме в прокуратуру? Какое отношение к убийству имеет вор-рецидивист Вася Сипенягин?... В этой книге рассказывается о последнем деле, которое пришлось расследовать хорошо знакомому читателям начальнику отделения уголовного розыска Антону Бирюкову...

Содержание

Шальная музыка	5
Глава I	5
Глава II	8
Глава III	11
Глава IV	15
Глава V	21
Глава VI	26
Глава VII	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Михаил Яковлевич Черненко

Шальная музыка

Шальная музыка

Глава I

Рабочий день кончался. В пустующем коридоре районного отдела внутренних дел было тихо. Начальник отделения уголовного розыска Антон Бирюков внимательно перечитал розыскные ориентировки, поступившие с утренней почтой из областного управления. «На злобу дня» в ориентировках ничего не было. Антон положил их в сейф и, поднявшись из-за стола, подошел к распахнутому настежь окну, за которым среди освещенных сентябрьским солнцем вековых сосен беззаботно порхали воробьи. Глубоко вдохнув настоящий на хвое воздух, он хотел закрыть окно, но как раз в это время послышался еле уловимый стук, точнее – вроде бы кто-то поцарапал по двери ногтями.

– Не царапайся, входи! – громко сказал Бирюков, подумав, что за дверью находится оперуполномоченный угрозыска Слава Голубев, имевший привычку таким образом «проверять слух» своего начальника.

Дверь тихо скрипнула. Бирюков обернулся и вместо лукаво прищуренного Голубева увидел невысокого старика в тельняшке с закатанными до локтей рукавами и в широченных клешах. Голову позднего посетителя прикрывала запыленная капитанская фуражка с белым верхом и потемневшим от времени «крабом» на черном околыше. За плечами висел полупустой рюкзачок.

– Арешите войти?... – скороговоркой спросил старик.

– Входите, – Антон улыбнулся. – Прошу извинить, думал, наш сотрудник за дверью шутит.

– Со мной такие промашки часто бывают, – живо поддержал разговор старик. – Думаю одно – получается другое, совсем не шутейное.

Скинув с плеч лямки, он осторожно опустил в угол у порога рюкзачок. После этого нерешительно откашлялся и выпалил:

– Зовут меня Изотом Михеичем, фамилия – Натылько. Бывший шкипер лихтера Минречфлота. Ныне – ветеран труда, находящийся на заслуженной пенсии.

– Что ж, будем знакомы, – ответил Бирюков.

Усаживаясь за письменный стол, Антон предложил сесть старику. Тот расторопно устроился на стуле. Будто снимая паутину, провел ладонью по смуглому морщинистому лицу и забарабанил пальцами по коленям:

– Я, между прочим, по серьезному вопросу...

– Догадываюсь, – со вздохом проговорил Бирюков. – Без вопросов к нам не ходят.

Лицо старика помрачнело. Он тоже вздохнул:

– Мертвого человека, товарищ начальник, я почти случайно отыскал. Иду, значит, от кумы, живущей в деревеньке у железнодорожной платформы, где наши дачники из электрички вылазят...

– Изот Михеич, давайте по порядку, – перебил Антон. – Платформ много, дачников еще больше.

– Что верно, то верно! – подхватил старик – Ныне в кого пальцем ни ткни – каждый дачник. Но кума у меня одна, Зинаида Пайкина. И дачный кооператив «Синий лен» тоже один. Как я туда попал, рассказывать?

– Желательно.

– Тогда, значит, такая история...

Со слов старика, в пятидесятые годы Зинаида Пайкина плавала с Изотом Михеичем на лихтере матросом и, между прочим, по давней традиции стала вроде бы крестной матерью его сына Кольки. Теперь Николаю уже за сорок. Техникум давно окончил, мастером на заводе работает. Мужик неглупый, но супруге своей, Веронике, поддался основательно. Изот Михеич помог им купить двухкомнатную кооперативную квартиру. У самого же Натылько в Новосибирске благоустроенная государственная квартира, где с прошлого года, как жена умерла, остался он один. И тут сын с пробивной супружницей втянули старика в авантюру. Захотелось им собственную автомашину купить, а денег не хватает. Где взять? Решили продать кооперативную квартирку, чтобы и денежки занять и со временем казенную жилплощадь получить. А пока суть да дело, перебрались на жительство к старику. Не хотел этого Изот Михеич, да сын-то – родная кровь. Куда денешься?...

– Николай у меня покладистый. Теленок, словом. И сноха Вероника, когда врозь жили, вроде ничего была. Когда же под одной крышей собрались, оказалась такой шваброй... – Старик словно поперхнулся. – Извините, впопыхах оскорбление вырвалось. Мягче говоря, сноха – женщина вздорная. Да что с бабы взять, если она больше десяти лет в винном магазине торгует... Там общение с покупателем держится на уровне упоминания родственников по материнской линии. Вот и насобачилась хамить. К тому же от постоянного общения с клиентами Вероника все мужское племя, кроме Николая, беспробудными алкашами считает. Николай в этот разряд не попал потому, что даже пиво не уважает. Признаться, я тоже выпивкой не увлекаюсь, но употребить бутылку в домашних условиях под хорошую закуску да с добрым товарищем – смертным грехом не считаю. На этой почве и схлестнулись мы со снохой до такой степени, что она припугнула сплавить меня на два года в Евсино. Это, сами понимаете, в лечебно-трудовой профилакторий, где от запоев лечат. Вот, швабра, извините, до чего додумалась! А что?... У Вероники не заржавеет! Продавцы винных магазинов теперь уважаемые люди, блат у них сокрушительный. Она ж, к примеру сказать, автомашину «Лада» без всякой очереди купила, а сплавить свекра в ЛТП ей – проще простого. Затосковал я от такой угрозы...

Бирюков слушал с терпеливым вниманием. Он всегда старался не только уловить суть излагаемой посетителем информации, но и определить, насколько посетитель искренен. Изот Михеич Натылько производил впечатление человека, у которого, как говорится, что на уме, то и на языке.

Чуть помолчав, старик принялся рассказывать о том, как он в тоскливом упадке встретил на Центральном рынке куму Зинаиду, приехавшую из деревни в Новосибирск поторговать малосольными огурчиками. Посокрушалась кума вместе с Изотом Михеичем грубым поведением снохи и посоветовала ему на время, пока сын со снохой не уберутся в собственное жилье, устроиться сторожем в дачный кооператив «Синий лен», где обеспечивают небольшим домиком и зарплату хорошую платят. Прямо с рынка Изот Михеич уехал с кумой к тому кооперативу, а через неделю приступил к исполнению обязанностей. Служба оказалась – не бей лежачего. Особенно сейчас, в период сбора урожая, когда в каждой дачке живут хозяева и сами охраняют свое добро. Только ночами надо сторожу присматривать, чтобы кто-нибудь из приبلудных не нашкодил. Народ в кооперативе подобрался порядочный, трезвый. И сами по себе люди интересные, есть с кем поговорить.

Натылько опять недолго помолчал:

– Вдобавок кума под боком в деревеньке проживает. Пешим маршрутом от кооператива два километра. Ну, понятно, нет-нет да и проведаю кумушку. Сегодня утром тоже, значит, к

Зинаиде лыжи наострил... – Старик встретился с Бирюковым взглядом. – Вам доводилось бывать в «Синем льне»?

– Это в двадцати километрах от райцентра? – уточнил Антон. – Хороший кооператив.

– Очень хороший! Местность мировая. Кругом лес, речка рядом. И добираться из Новосибирска просто. Хоть на электричке, хоть по асфальтовой дороге. А с того асфальта к кооперативу проселок сворачивает. Ну, значит, по этому проселку утречком сегодня топаю, вдруг... Лиса с правой стороны из кустиков передо мною – шмыг! И прыжками, прыжками в лесочке скрылась. Погостил я у Зинаиды. В сельмаге две буханки хлеба да консервов купил и после обеда подался восвояси. Только подхожу к тому самому месту, рыжая огневка опять промелькнула из кустов через проселок! Любопытство обуяло меня до крайности. Думаю, что за приманка тянет Патрикеевну в те кусточки? Свернул с дороги. Вижу, за кустами кучка хвороста. В одном месте свежая земелька, наверно, лисица под хворостом рылась. Подошел ближе – мать моя! Босая человеческая нога под хворостом видна... Меня аж в холодный пот бросило. Бегом вернулся на асфальтовую дорогу. Проголосовал первому же грузовику. Шофер, спасибо, остановился. В считанные минуты подбросил до райцентра. Хотел бежать к прокурору, потом, думаю, может, милиция и без него обойдется...

Антон Бирюков снял телефонную трубку. Набирая прокурорский номер, сказал:

– Нет, Изот Михеич, по всей вероятности, без прокурора в таком деле не обойтись...

Глава II

Теплый солнечный вечер не успел угаснуть, когда рафик с участниками следственно-оперативной группы съехал с асфальтированной трассы на узкую проселочную дорогу и, покачиваясь на рытвинах, направился к дачному кооперативу «Синий лен». Едва проехали около сотни метров, сидевший рядом с Бирюковым старик Натылько торопливо сказал шоферу:

– Глуши мотор! – И указал пальцем влево от дороги на небольшую рощицу низких тоненьких березок. – Вон за теми кусточками...

Шофер свернул на обочину и остановился. Первым из машины вылез пожилой районный прокурор. За ним легко спрыгнула стройная эксперт-криминалист Лена Тимохина в форме капитана милиции. Придерживая одной рукой на плече широкий ремень вместительного кофра с фотоаппаратурой, она неловко стала укреплять выпавшей шпилькой уложенную на затылке русую косу. Выбравшийся следом судебно-медицинский эксперт Борис Медников, с глубокими залысинами в редкой шевелюре, флегматично спросил:

– Лен, это правда, будто у женщин волос длинен, а ум короткий?

– Если судить по волосам, ты, Боренька, самый умный среди нас, – ответила Тимохина.

Подошедший к ним Антон Бирюков взял у Лены кофр:

– Помочь не догадался, эскулап?

– Я красивым женщинам не помогаю. Они меня не любят, не жалеют, – судмедэксперт глянул на белобрысого следователя прокуратуры Лимакина, сосредоточенно щелкающего внезапно раскрывшимся замком потертого служебного портфеля. – Петя, будь свидетелем, как Бирюков за Тимохиной ухлестывает.

– Не завидуй, совсем облысеешь, – улыбнулся Антон.

Прокурор обратился к шоферу:

– Съезди в «Синий лен» за понятыми.

– Зачем лишних людей собирать? – поправляя за плечами рюкзак, удивился бывший шкипер Натылько. – Пишите меня в понятые.

– Волею судьбы вы в роли свидетеля оказались.

– Я ничего не видал! – испугался старик. – Какой из меня свидетель?...

– Какой уж есть. На безрыбье, говорят, и рак рыба, – сумрачно сказал прокурор.

– Пивка бы сейчас, Семен Трофимович, правда? – вмешался в разговор неугомонный судмедэксперт.

Прокурор недоуменно глянул на него:

– Не понял юмора...

– Рыбка да раки на какую мысль наводят?...

Прокурор не поддержал шуточного разговора. Будто осуждая судмедэксперта, он покачал головой и опять заговорил с Изотом Михеичем Натылько. Старик, возбужденно размахивая руками, стал показывать, как возвращался в дачный кооператив из соседней деревни от кумы и в каком месте перебежавшая дорогу лисица привлекла его внимание.

Вернувшийся из «Синего льна» шофер привез двух мужчин пенсионного возраста, одетых в спортивные костюмы. Когда прокурор объяснил понятым их права и обязанности, следственно-оперативная группа приступила к работе.

Молодой худощавый парень, судя по едва взявшемуся тлением трупы и по неуспешной завянуть под ним траве, пролежал под хворостом не более двух-трех суток. На потерпевшем были старенькие, основательно потертые джинсы «Монтана» и не первой свежести рубашка кремового цвета с отложным воротником и черным фирменным прямоугольничком «Кордэл» на краю нагрудного кармана. Правая нога – босая, на левой – почти новый темно-синий в красную крапинку носок. По распухшим ступням можно было лишь предположительно опре-

делить, что потерпевший носил обувь двадцать пятого – двадцать седьмого размера. Карманы джинсов и рубашки оказались совершенно пустыми. Белесые слежавшиеся волосы были подстрижены коротко.

Понятые, словно окаменев, молча смотрели на труп. Прокурор попросил их опознать парня. «Спортивные» пенсионеры, как по команде, отрицательно крутнули головами. Изот Михеич Натылько тоже удивленно скривил лицо и пожал обтянутыми тельняшкой плечами.

Тимохина, засняв катушку пленки, стала перезаряжать фотоаппарат. Бирюков со следователем и судмедэкспертом по просьбе прокурора повернули труп спиной кверху. Под левой лопаткой возле едва приметной дырочки в рубахе запеклось бурое пятно крови.

– Похоже, входное пулевое отверстие, – тихо проговорил судмедэксперт.

– Ну надо же!.. – воскликнул стоявший рядом Натылько и, вроде испугавшись, растерянно глянул на прокурора. – Между тем никаких выстрелов я не слышал.

– А ночью?... – спросил прокурор.

– Тем более! По ночам я не сплю. Шкиперская привычка – на ночной вахте не смыкать глаз.

– Привычки с годами проходят...

– Изот Михеич правду говорит, – заступился за старика один из понятых, а другой тут же поддержал:

– Такого добросовестного сторожа у нас никогда не было.

Натылько гордо сдвинул на затылок капитанскую фуражку:

– Это наверняка где-то на стороне убили паренька и подбросили нам для неприятности...

Разговор умолк. Судмедэксперт, поправив на руках резиновые перчатки, стал прощупывать труп. При этом что-то его насторожило. Оглядев ступни, он обратил внимание на уродливо изогнутую правую ногу потерпевшего. Присев возле Медникова на корточки, Бирюков сказал:

– Вроде бы парализация...

– Похоже, – буркнул судмедэксперт. – При анатомировании разберусь.

Следователь Лимакин стал открывать портфель. Замок никак не поддавался.

– Опять заело? – сочувствующе спросил прокурор.

– Заест, Семен Трофимович, если со времен ОГПУ эта сумка по происшествиям мотается, – обидчиво ответил следователь. – Уже который год жалеете выделить две десятки на современный служебный «дипломат».

– Не горячись, Петро, завтра выделю.

– Спасибо, по горло сыт вашими завтраками...

Портфель внезапно раскрылся. Чуть не уронив его, Лимакин достал бланк протокола осмотра места происшествия и, пристроившись у рафика, начал заполнять. Бирюков с Тимохиной принялись осматривать местность. Трава вокруг кучки хвороста была примята, но ни одного отпечатка следа, чтобы снять с него гипсовый слепок, обнаружить не удалось. Березовая поросль отгораживала хворостяную кучку от дороги. Некоторые деревца белели свежими надломами, как будто через них волоком протащили труп. Но это можно было лишь предполагать. Ни клочка одежды, ни ворсинок на деревьях не осталось. Хворост для прикрытия трупа был притащен от старого березового пня, торчащего неподалеку на широкой выкошенной поляне. Поблизости желтела примятая полоска глины из сусличьей норы. Бирюков пристроился к норе – на глине четко отпечатался след автомобильного колеса. Подошедшая к Бирюкову Тимохина откровенно обрадовалась:

– Надо готовить гипс. Отличный слепок протектора должен получиться.

– Тебе помочь? – спросил Бирюков.

– Спасибо, Антон Игнатьевич, сама управлюсь.

Тимохина пошла к рафику. Видимо, заметив, что Бирюков остался один, к нему, раздувая клеши, быстро подкатился Изот Михеич Натылько. Чуть помявшись, бывший шкипер осторожно заговорил:

– Вы с доктором, кажется, промеж собой обсуждали, что погибший паренек вроде бы парализованным был...

– Есть такое предположение, – сказал Антон.

– Это, выходит, он хромал, что ли?

– Возможно.

– Ишь ты, якорь его зацепи... – Старик, потянув за козырек, надвинул фуражку почти на самые глаза. – Не этот ли бедолага в наш кооператив наведывался?...

– Когда? – сразу заинтересовался Бирюков.

– На прошлой неделе видал я тут какого-то молодого инвалида. – Старик, сильно припадая на правую ногу и вихляясь, сделал несколько шагов. – Вот таким манером шел. В руке нарядную шарманку тащил. То ли магнитофон, то ли радиоприемник. В общем, какую-то громко играющую музыку.

– Что ж вы, по лицу его не узнали?

– Того, живого, я в лицо не разглядел. Со спины видал, когда он по проселку ковыляя шагал от кооператива.

– К кому из дачников паренек приходил, не знаете?

– Он вроде и не приходил. Наверно, в автомашине сюда с кем-то приехал, а отсюда своим ходом двинул.

– Кто в тот день на машинах приезжал?

– Трудно сказать. У нас чуть не каждый дачник автомашину имеет. Помню, суббота была. А по субботним дням здесь моторы ревут, как в речном порту в разгар навигации.

– Одежду на том парне не запомнили?

– Брюки точно такие, как на погибшем, а рубаха совсем иная... Что-то вроде старого джемпера. На ногах – белые кроссовки...

– Не туфли и не ботинки?...

– Нет-нет – кроссовки.

– На голове что?

– Ничего. Такие же короткие светлые волосенки, как у мертвого паренька.

Бирюков, раздумывая, помолчал.

– Изот Михеич, а музыкальная «шарманка» у парня как выглядела?

– Продолговатый черный ящичек с никелированным блеском. И орет громко.

– Мелодию или слова песни не запомнили?

– Какая там мелодия! Теперь все музыканты одинаково дудят: чем громче, тем лучше.

– Куда же тот парень шел из кооператива?

– Как вам сказать... – Старик смущенно стал поправлять на плечах рюкзачные лямки. – Суббота, говорю, в тот день была. Сторожу в выходные здесь делать нечего. Ну и, значит, отправился я проведать куму. Надумал в домашней баньке попариться. До самой шоссейной дороги шел следом за пареньком. Он хоть и хромал, но двигался шустро, видать, на автобус торопился. Только на шоссе вышел – «Икарус» из Новосибирска тут как тут. Паренек в него и шмыгнул.

– В райцентр уехал?

– А куда больше?... Наша остановка перед райцентром последняя.

От дачного кооператива «Синий лен» следственно-оперативная группа уехала поздней ночью. Кроме отпечатка автомобильного колеса на глине у сусличьей норы, ничего существенного, что давало бы зацепку для раскрытия преступления, обнаружить не удалось. Ни один из дачников, находившихся в тот вечер в кооперативе, потерпевшего не опознал.

Глава III

В середине следующего дня Борис Медников закончил экспертизу. По его заключению, потерпевший был убит выстрелом в спину двое суток назад. Обнаруженная в трупе свинцовая пуля от стандартного малокалиберного патрона, войдя в тело под левой лопаткой, пробила сердце и застряла в грудной полости. Судя по тому, что на извлеченной пуле не имелось обычных полосок от нарезного ствола, можно было сделать вывод: стреляли из какого-то самодельного гладкоствольного оружия. Это подтвердила и физико-техническая экспертиза. Исследование рубахи потерпевшего показало, что в районе входного пулевого отверстия нет ни малейших признаков пороховых вкраплений и копоти. Значит, стреляли не в упор.

К концу дня удалось установить личность потерпевшего. Им оказался двадцатичетырехлетний инвалид Лев Борисович Зуев. Месяц назад он переехал из Новосибирска в райцентр на постоянное жительство. Антон Бирюков узнал об этом от следователя Лимакина по телефону. Заканчивая разговор, Лимакин невесело сказал:

– Незаурядное, кажется, преступление на наши головы свалилось. Сейчас к тебе пойдет сестра Зуева. Расскажет довольно загадочное. Отнесись к ее показаниям со всей серьезностью, потому как искать преступника, сам понимаешь, придется угрозыску...

– Понимаю, – вздохнул Антон.

Вскоре в кабинет к Бирюкову вошла заплаканная смуглая девушка в черной шерстяной юбке и в оранжевой легкой кофточке. С правого плеча ее на тонком ремешке свисала небольшая коричневая сумка, похожая на фотоаппарат или на портативный транзистор в футляре. Робко усевшись на предложенный Бирюковым стул, она сразу достала из сумки крохотный носовой платочек и словно промокнула им покрасневшие карие глаза. После этого тихо проговорила:

– Я Люба Зуева. Меня из прокуратуры к вам направили. Позавчера вечером брата вызвали в милицию – и вот...

– В милицию?... – удивился Антон. – Кто конкретно вызывал?

– Не знаю. Я работаю в Новосибирске швеей на фабрике «Северянка». С прошлой недели – в отпуске. Приехала к брату и почти не успела поговорить с Левой...

– Расскажите о нем подробнее.

– Лева на четыре года старше меня. Закончил ГПТУ по специальности «настройщик телерадиоаппаратуры». Работал в Новосибирске на заводе «Электросигнал», а в прошлом году ему оформили пенсию по инвалидности.

– Причина?...

– Энцефалитный клещ. Десять с половиной месяцев брат пролежал в больнице. С трудом врачи его вылечили. Только с правой ногой ничего не могли сделать, но говорили, что со временем и нога станет нормальной.

– Почему Лев Борисович сюда переехал жить?

– Он очень торопливо обменял квартиру. Даже со мной не посоветовался.

– Вы не вместе жили?

– Нет. Я живу в фабричном общежитии, а Лева жил в квартире, которая осталась ему после смерти бабушки.

– И вы не спрашивали брата о причине переезда?

– Спрашивала. Сказал, природа здесь очень хорошая и до Новосибирска на электричке – почти рядом. Леве туда на обследование к лечащему врачу надо было появляться. Да и по другим делам он часто в Новосибирск приезжал.

– Какие у него там другие дела были? – сделав ударение на слове «другие», спросил Бирюков.

– Радиотехникой Лева сильно увлекался. Покупал уцененные радиотовары, ремонтировал их, потом в комиссионный магазин сдавал. На одну пенсию по инвалидности ведь не прожить...

– А в дачный кооператив «Синий лен» Лев Борисович не ездил?

– Это где такой?

– В двадцати километрах от райцентра в сторону Новосибирска.

– Первый раз слышу. Не знаю. В общем, я ничего не могу понять. Пятнадцатого сентября у Левы украли японский магнитофон... – Люба нервно раскрыла сумочку, достала из нее сложенный тетрадный листок и протянула Бирюкову. – Вот это заявление лежало у Левы в столе. Я показывала его следователю, а он посоветовал передать вам...

Бирюков развернул листок. Аккуратным почерком было написано:

*«В уголовный розыск районной милиции
от инвалида второй группы
Зуева Льва Борисовича*

ЗАЯВЛЕНИЕ

15 сентября с/г из моей квартиры № 13 по улице Озерной, дом № 7 украден однокассетный японский магнитофон “Националь”, заводской № 5BACB 13676. Кража совершена между 06.30 и 19.00 часами, когда в связи с поездкой в Новосибирск меня не было дома. Убедительно прошу отыскать украденную вещь и вернуть мне. К сему...

Дальше стояла витиевато-длинная подпись, похожая на «Зуешвили».

– Вот по поводу этой кражи брата и вызывали в милицию, – еле слышно сказала Люба. Бирюков положил заявление перед собою на стол:

– Как же милиция могла вызвать Льва Борисовича, если вы только что принесли эту бумагу?

Тонкие брови Любы недоуменно приподнялись.

– Может, Лева по телефону сообщил в милицию о краже, – неуверенно проговорила она.

– Не было такого сообщения, но на всякий случай сейчас проверим. – Бирюков нажал клавишу селектора: – Голубев!..

– Я здесь, товарищ начальник! – тотчас послышалось из динамика.

– Тебе известно о краже магнитофона у гражданина Зуева из седьмого дома по улице Озерной?

– Никак нет!

– Срочно узнай в дежурной части, не поступало ли туда устное заявление, и сразу зайди ко мне.

– Бегу, товарищ начальник!

Бирюков выключил селектор. Поправив листок перекидного календаря, на котором значилось девятнадцатое сентября, спросил Зуеву:

– Брат рассказывал вам о краже?

Люба утвердительно наклонила голову:

– Да, конечно. Магнитофон стоял на подоконнике, и утащили его через форточку.

– Квартира на первом этаже?

– На первом. Дом трехэтажный, с двумя подъездами. Перед окном у Левы – густой черемуховый куст.

– Знаю этот дом... – Антон, раздумывая, постучал пальцем по календарю. – Почему же Лев Борисович не передал нам заявление, а положил его в стол?

Люба пожала плечами:

– Сама не понимаю. Все как-то странно получилось. Лева собирался в Москву. Пятнадцатого сентября он приезжал в Новосибирск. В авиаагентство, за билетом. Купил на восемнадцатое число и заехал ко мне в общежитие. Мы договорились, что пока брат будет в Москве, я поживу в его квартире здесь, в райцентре. У меня в запасе еще две отпускные недели. Приехала я сюда на следующий день, шестнадцатого, с вечерней электричкой. Лева встретил на вокзале и по дороге к дому рассказал, что, мол, вчера, пока был в Новосибирске, у него украли новенький магнитофон, за который он отдал шестьсот рублей.

– Это государственная цена?

– Нет. Лева говорил, что купил у кого-то с рук, а в «Березке», мол, однокассетный «Националь» стоил триста восемь чеков. Я удивилась: «И не жаль было в два раза переплачивать?» Он в ответ: «Что ты, Люба! Это же первоклассная техника. Фирма “Панасоник”, стерео. За такой отличный маг и семисот не жалко. На любителя, конечно».

– Значит, брат ваш любил музыку?

– Правильнее сказать, не столько музыку, сколько радиотехнику. Став инвалидом, он сутками копался в транзисторах, магнитофонах, телевизорах. Говорила ему: «Не свихнись на этом деле, как Женька Дремезов». Лева засмеялся: «От радиотехники не свихнешься. Женька от водки в психушку залетел». И, правда, один из Левиных соседей по новосибирской квартире от запоев чокнулся. Инженер, а опустился до рядового сантехника...

В кабинет порывисто вошел оперуполномоченный Слава Голубев. Мельком взглянув на примолкшую Зуеву, он по привычке присел на подоконник и сказал Бирюкову:

– Ни устных, ни письменных заявлений гражданина Зуева в дежурной части не зафиксировано.

– И никто из наших сотрудников его не вызывал? – спросил Антон.

– Никак нет.

Бирюков посмотрел на Любу. Та, не дожидаясь вопросов, растерянно заговорила:

– Ну как же это?... Я сама слышала... Шестнадцатого числа, когда Лева встретил меня на вокзале, мы пришли к нему домой около восьми часов вечера. Поужинали. В девять посмотрели программу «Время», потом какой-то концерт и легли спать. Я – в комнате на кровати, Лева в кухне на полу себе постелил. Не успели заснуть – звонок. Лева подошел к двери, спросил: «Кто?»... Ему ответили: «Милиция». – «Что случилось?» – «Это у вас вчера магнитофон украли?» – «У меня». – «Мы нашли его, надо срочно опознать». Лева поколебался: «Завтра утром приду в милицию». За дверью помолчали, потом говорят: «Преступник пойман. Не можем же мы его держать до утра без оформления протокола. Короче, быстро собирайтесь. Ждем в машине. Там всех делов-то на полчаса». Вот так... Я почти дословно запомнила разговор...

– Какой голос был за дверью? – спросил Антон.

– Молодой... Спокойный, но требовательный.

– Один?

– Один. Только он все время говорил «мы». Ну Лева торопливо оделся, взял ключ от квартиры, чтобы не будить меня, когда вернется, и вышел.

– Время, хотя бы примерно, не скажете?

– На часы я не смотрела, но уже темно было. Наверное, около одиннадцати... – Люба приложила платочек к глазам. – И еще, знаете, не могу понять: то ли мне это почудилось, то ли в самом деле после ухода Левы, в ту ночь, кто-то пробовал открыть дверной замок. Я страшная трусиха, привыкла жить в общежитии, с девчонками. Когда осталась в Левиной квартире одна, никак не могла заснуть. Наверное, больше часа ждала, а Левы все нет и нет. На меня такой страх навалился – решила захлопнуть замок на защелку, чтобы снаружи не открывался. Думаю, пусть уж лучше Лева меня разбудит, когда вернется. Не представляю, сколько времени

прошло. Вроде задремала и сразу очнулась. Прислушалась – будто кто-то пытается открыть дверь. Обрадовалась: наверное, Лева вернулся. Подошла к порогу, спрашиваю: «Ты, Лева?» В ответ – молчание. Еще раз спросила – опять молчок. Ну, думаю, причудится же со страху такое. Легла, а заснуть не могу. Вскоре от подъезда вроде бы легковая машина, не включая фары, отъехала. Не странно ли?...

– Все странности имеют свое объяснение, – уклончиво сказал Антон. – Что ж вы почти трое суток молчали об исчезновении брата?

Зуева растерянно моргнула:

– Боялась квартиру открытой оставить. Кое-как сегодня нашла в столе запасной ключ. Там же и заявление о краже магнитофона лежало. Только собралась к вам, участковый инспектор милиции заявился, попросил вместе с ним съездить в морг...

Люба уткнулась лицом в ладони и заплакала. Подождав, пока она немного успокоится, Бирюков опять спросил:

– Брат не высказывал предположений: кто мог украсть магнитофон?

– Лева подозревал, что мальчишки утащили, – сдерживая слезы, ответила Зуева. – Некоторые ведь как шальные гоняются за импортной аппаратурой.

– От шальной музыки и взрослые ошалевают... – Антон помолчал. – Придется, Люба, посмотреть квартиру вашего брата.

– Пожалуйста, хоть сейчас пойдёмте.

Бирюков подал Голубеву заявление о краже магнитофона. Когда Слава прочитал его, сказал:

– Пойдешь с нами. Надо будет соседей опросить.

Глава IV

Обстановка малогабаритной однокомнатной квартиры Зуева удивила не только эмоционального Славу Голубева, но даже и всегда сдержанного Бирюкова. Из мебели, кроме старомодной железной кровати с никелированными спинками, простенького стула да небольшого школьного стола с выдвижным ящиком, в комнате ничего не было, однако комната так плотно была заставлена всевозможной телерадиоаппаратурой, что казалось, в ней шагнуть некуда. Вероятно, заметив, как Антон со Славой переглянулись, Люба смущенно сказала:

- Не удивляйтесь, все это Лева купил по дешевке.
- А за сколько продать намеревался? – спросил Бирюков.
- По комиссионной цене. Сейчас покажу документы.

Люба протиснулась между цветным телевизором «Рубин» и музыкальной установкой «Эстония» к школьному столу и достала из ящика пухлую пачку квитанций, сложенных вперемежку с кассовыми чеками. Это были документы из комиссионных новосибирских магазинов: «Юного техника», «Мелодии», «Орбиты», занимающихся торговлей радиотоварами. Бирюков обвел взглядом комнату:

- Выходит, все это уцененное?
- Да, конечно, – ответила Люба.

Антон кинул взгляд на цветной телевизор:

- Сколько же, например, заплатил Лев Борисович за этот «Рубин»?
- Кажется, около трехсот рублей.
- А получил бы за него в комиссионном?...
- Пятьсот, может, пятьсот пятьдесят.

– Неплохая выручка, – вмешался в разговор Слава. – Почти сто процентов дохода.

Люба с упреком посмотрела на него:

– Расходы тоже надо считать. Без них доходов не бывает. Над этим «Рубином» Лева две недели, не разгибая спины, сидел. На целую сотню, как он говорил, пришлось купить новых деталей. Да транспорт в верную пятидесятирублевку обошелся. В электричке такую машину не повезешь. Лева всегда такси нанимал или с частниками договаривался.

– Ясенько. Коммерция – дело тонкое, – будто ставя крест на своей недоверчивости, быстро проговорил Слава. – А с какого окошка украли магнитофон?

Люба показала форточку, через которую утащили японский «Националь». Окно выходило во двор с детской песочной площадкой посередине. Со стороны площадки его плотно загоразивал черемуховый куст. Ржавый запорчик форточки оказался чисто символическим, но зато сама форточка была основательно прибита гвоздями к оконной раме.

– Это после кражи Лева заколотил, – сказала Люба.

Голубев посмотрел на Бирюкова:

- Ну что, Игнатич, пойду беседовать с народом?...
- Иди.

Когда Слава вышел, Люба села на кровать и робко предложила Бирюкову единственный стул. Стараясь не раздавить старый стул, Антон осторожно присел на краешек и, встретившись взглядом с Любой, спросил:

– Значит, Лев Борисович собирался в столицу?...

– Да, он хотел там попасть на прием к известному профессору, который успешно лечит энцефалит.

- У него была какая-то договоренность?
- Нет, просто лечащий врач посоветовал.
- Каким же образом он рассчитывал встретиться с тем профессором?

– Не знаю. Видимо, через знакомых. В Москве у Левы есть друг, который помогал добывать разные штуковины для ремонта. В новосибирских магазинах сильно не разживешься радиодетальями.

– И часто брат встречался с тем другом?

– Нет. Леве тяжело было по состоянию здоровья из дома отлучаться. Поэтому он отсылал другу деньги, а тот слал почтовые посылки.

– Деньги у брата не переводились?

– У него есть сберкнижка. И наличные всегда при себе были. Рублей по триста и больше.

– А в этот раз, когда ушел из дома, он не взял с собой кругленькую сумму?

– Нет. Пятьсот тридцать рублей для поездки в Москву в столе лежат... – Люба выдвинула ящик стола, достала оттуда пачку десятирублевых купюр и показала Антону. – Вот они... Других денег у Левы не было. Он говорил, ему и этих за глаза хватит.

– Сберкнижка на месте? – спросил Антон.

– Да, конечно.

Люба стала выкладывать на стол содержимое ящика. Чего там только не было: магнитофонные кассеты, радиолампы, конденсаторы, разноцветные сопротивления с короткими медными проводками, электрические батарейки и еще много всякой всячины, о назначении которой Бирюков не имел представления. Осторожно разложив все это богатство по столу, Люба достала из глубины ящика потрепанную общую тетрадь с черными ледериновыми корочками, толстую пачку писем в надорванных конвертах и, наконец, сберегательную книжку. Заглянув в нее, сразу подала Бирюкову:

– Вот Левины сбережения. Всего полторы тысячи.

Бирюков полистал сберкнижку. Она велась около двух лет. Вклады были систематические, но небольшие, в основном по сорок – шестьдесят рублей в месяц. Люба тем временем стала перебирать письма и раскладывать их по столу. Краем глаза Антон видел, что адресованы они Зуеву Льву Борисовичу на новосибирский адрес. Два письма пришли уже сюда, в райцентр, на улицу Озерную. В обратных адресах фигурировали Москва, Рига, Одесса, Владивосток и даже Петропавловск-Камчатский. На одном из конвертов жирно чернела отпечатанная на пишущей машинке короткая строчка: «ул. Озерная, № 7, кв. 13». И все. Видимо, это заинтересовало Любу. Она вытащила из конверта сложенную вдвое половинку тетрадного листка в клеточку, нахмурившись, прочитала и дрогнувшей рукой молча протянула Антону.

«Левчик, ты начинаешь меня раздражать. Занимайся своим ремонтным бизнесом и прекрати писательство. Не забывай, что мы в разных весовых категориях. Если сойдемся, от тебя мокрое пятно останется. И скажи карикатуристке, чтобы прикусила язык. Иначе я сделаю из вас неузнаваемые карикатуры», – прочитал Антон машинописный текст.

– Это же неприкрытая угроза... – тихо проговорила Люба.

Бирюков внимательно оглядел конверт. Никаких знаков почтовой пересылки на конверте, разумеется, не было, а короткая адресная строчка наводила на мысль, что «ультиматум» вручен Зуеву через посредника, приезжавшего в райцентр.

– Брат не говорил вам об этой угрозе? – спросил Антон.

– Ни слова.

– Каким «писательством» он занимался?

Люба задумалась:

– По-моему, это переписывание магнитофонных записей. За деньги, ручаюсь, Лева никогда никому ничего не писал. Он даже возмущался теми, кто на этом деле греет руки.

– Конкретного случая не помните?

– Конкретного... Ну, например, после оформления на пенсию Лева устроился оператором студии звукозаписи. Вскоре он уволился. Я тогда жила у него, сдавала экзамены на заочное отделение. И вот, брат пришел домой очень расстроенный. Спрашиваю: «С начальством

не поладил?» Он усмехнулся: «При чем начальство... Думал, там люди работают, оказалось, мафиози собственные карманы набивают». – «Ну и чего ты скис? Напиши об этом куда следует». Лева махнул рукой: «Ага! Попробуй, напиши... Они, как муху, раздавят».

– И все-таки не написал он?...

– Вряд ли. После того разговора Лева о студии ни разу не вспоминал.

– И никаких дел с этой студией не имел?

Люба вновь задумалась:

– Две недели тому назад брат приезжал ко мне в общежитие с двухкассетником «Шарп». Есть такой японский магнитофон. Весь вечер переписывал на нем какие-то ритмы. Потом за этим магнитофоном забежал высокий симпатичный парень в коричневом кожаном пиджаке. Мишей его зовут, фамилии не знаю. Лева говорил, Миша – единственный порядочный человек в студии.

– Сколько лет примерно тому Мише?

– Ну, он постарше Левы... Наверное, где-то около тридцати, но выглядит... В общем, как парень. – Люба смутилась и сразу предложила: – Давайте посмотрим другие письма.

Каждый раз, когда Бирюкову приходилось сталкиваться с личной перепиской незнакомых людей, он чувствовал себя неловко, будто подглядывает в замочную скважину. Хотелось в таких случаях побыстрее перелистать написанное, однако служебный долг, напротив, обязывал не только читать внимательно, но и анализировать содержание, выискивая смысловые тонкости, заключающиеся, как говорится, между строк.

Все письма, адресованные Зуеву, были от любителей музыки. Одни благодарили его за отличный ремонт «Сони»; другие просили совета, стоит ли покупать с рук подержанный «Акай»; третьи спрашивали, нельзя ли чего сделать, чтобы приемник «Шарп777» ловил радиостанции Европы так же надежно, как ловит азиатские страны. В нескольких письмах содержались благодарности за прекрасные магнитофонные записи. Одно из таких писем заинтересовало Бирюкова. Адресовалось оно некому Ярославцеву Анатолию Ефимовичу, проживающему в Новосибирске по улице Иркутской.

«Здравствуй, дорогой дядя, Анатолий Ефимович! Бандероль твою получил. Записи – люкс! Теперь у меня полностью русский репертуар незабвенной Анны Герман с чистейшим звучанием. Сосед твой – Мастер с большой буквы. Уплати ему, сколько запросит, и телеграфируй мне сумму. Деньги пришлю немедленно. А если он согласится сделать мне с таким же чистым звуком пару кассет Софии Ротару (хотя бы последние песни), то не посчитаюсь ни с какими деньгами. Качество того заслуживает!.. Ты предлагаешь вернуть на студию записи, сделанные халтурщиками. Это длинная песня, и овчинка выделки не стоит. Теперь у меня прекрасный двухкассетник. Недавно купил в Токио. Увлечся я этим делом, как мальчишка. Других увлечений нет. По-прежнему ловлю рыбку, большую и малую. Сейчас ремонтируюсь во Владивостоке. Пробуду здесь полмесяца. Затем уйду в Атлантику за сельдью. По возвращении – полугодовой отпуск. В первую очередь залечу к тебе. Соскучился – жуть! Как себя чувствуешь, старый мушкетер? Не укатали сивку крутые горки?... Держись, гвардеец! На таких, как ты, опирается матушка-Русь. Здоровья тебе и успехов, мой двужильный богатырь! Крепко обнимаю и троекратно целую. Безмерно любящий тебя – морской скиталец Сережка».

Ниже размашистой подписи было приписано:

«Одновременно с твоей бандеролью получил пакет от Жени Дремезова. Прислал проект с “научными” обоснованиями и чертежами изобретенного им метода лечения алкоголиков. Предлагает желающим морякам ехать к нему и гарантирует стопроцентное выздоровление. В Новосибирске, пишет, медицинские бюрократы не дают ходу новому методу. Ох, насмешил меня Женя “своим изобретением”! Видно, основательно у мужика мозги помутились. Грустно. Славный ведь был парень. Страшно подумать, сколько талантливого люду погублено “зеленым змием”! Спихватиться бы нам лет на 20 раньше...»

В левом верхнем углу письма, похоже, старческим почерком была начертана наискосок шуточная резолюция: «Тов. Зуеву – для сведения и принятия мер по обеспечению капитана дальнего плавания С.П. Ярославцева добрыми песнями С. Ротару. Старперпенс А. Ярославцев».

Люба, прочитав письмо после Антона, сказала:

– Анатолий Ефимович – персональный пенсионер, бывший сосед Левы по новосибирской квартире. Ему, наверное, уже под восемьдесят. Высокий интересный дед. Женька Дремезов тоже из бывших соседей. Спившийся алкоголик, я уже говорила. Кстати, здесь и от него письмо есть...

Она быстро перебрала конверты и один из них подала Бирюкову. Антон внимательно стал читать:

«Здорово, Лева! Ты чего, корефан, проходишь не заходишь? Я теперь работаю то строителем, то слесарем, то просто так – на подхвате. Все это называется “ремонтные работы”. Тощица страшная. Где-то прочитал, что чем выше интеллектуальный потенциал, тем тяжелее выполнять примитивную работу. Действительно, столько замыслов в голове. Стучатся не совсем ординарные мысли, а приходится замешивать раствор, носить его или работать со стекловатой, что вдвойне противно. Совесть, чувство собственного достоинства не позволяют мне прятаться за спины товарищей по труду. Берусь первый и за самую тяжелую операцию. А мои “коллеги” по лопате этими комплексами не страдают. Они прекрасно освоили формулу: будь не так в деле, как при деле. Посмотришь: стоит и держит шланг, из которого течет вода в бочку, хотя его можно вполне положить. Находят повод, чтобы отлучиться. И это те, кто способен только на физическую работу! Противно, что приходится кувыряться за кусок, словно медведю на манеже. Виноват, конечно, сам: “лето красное пропел...” Что-то я разнюнился перед тобой. Настроение такое. Но в целом все не так уж хреново. Сейчас ушли в смену – работаем по скользящему графику. Днем могу что-то делать для себя по мелочи. Слава богу или черту, я не пью вот уже, как ты знаешь, полтора года. И чем дальше, тем безумнее мне кажется начать. Отвращение к спиртному – и моральное, и физическое. Раньше, когда после лечения не пил, хотел, но держался. Сейчас – иное. Все-таки мой метод – всем методам метод! Одумайся, Лева, сообрази мне музыкальное сопровождение. Прославимся на весь мир! Без шуток... Недавно в аптеке встретил “грубияночку”. Побормотали. Не вяжись с ней! По-моему, она наркоманит, зараза. Будешь в Новосибирске, обязательно заходи. Я жду от тебя положительного ответа, как соловей лета. Жму лапу! Кирюха Женька».

Бирюков дал прочитать письмо Любе. Когда она прочла, спросил:

– Какие у Дремезова могут быть дела «по мелочи»?

– Кто его знает.

– А что за «грубияночка» в письме упоминается?

– Дашка Каретникова, слевой в ГПТУ училась.

– Наркоманка?

– Нет вроде бы, но... довольно странная. Никогда не угадаешь, какой трюк выкинет.

– Какие дела связывали с ней Льва Борисовича?

– У них сложная история... – Люба опустила глаза и вдруг будто спохватилась: – Минуточку, сейчас покажу эту красавицу...

Она взяла со стола общую тетрадь, быстро полистала ее и подала Бирюкову небольшую фотографию. На цветном снимке молодая миловидная блондиночка с распущенными по плечам густыми волосами, словно рекламируя пышную грудь, едва прикрытую низко расстегнутым нежно-розовым батником, с томными голубыми глазами смотрела прямо в объектив. На обратной стороне снимка кокетливым почерком было написано с каким-то намеком: «Вам отдавая свой портрет, вас о любви я не молю...»

– Хороша самореклама? – с брезгливой усмешкой спросила Люба.

Бирюков улыбнулся:

– Что это она так?...

– Спросите дурочку. Вообще-то Дашка неглупая, но всегда прямо из кожи лезет, чтобы выделиться. Если что-то задумает, своего всегда добьется. Вот, Лева около года за японским магнитофоном охотился, она – в неделю провернула... – Люба опять полистала тетрадь и подала Антону распечатанный почтовый конверт. – Пожалуйста, приглашение явиться за покупкой...

Письмо, адресованное в райцентр Зуеву, было без обратного адреса. Бирюков внимательно посмотрел на новосибирский штемпель с неразборчивым числом отправления и достал из конверта картинку с обнаженной женской ногой, отрезанную от упаковки импортных колготок. На чистой стороне была короткая записка почти чертежными буквами: «Левчик! Нашла милого дядечку. Если не передумал иметь японский однокассетник, срочно вези 600 р.».

– Значит, «Националь» помогла купить Каретникова? – спросил Антон.

– Наверное. Лева мне об этом ничего не говорила. Это я нашла в столе, когда запасной ключ от квартиры искала.

– Где Каретникова живет?

– По-моему, где-то в Железнодорожном районе Новосибирска.

Бирюков взглядом указал на общую тетрадь:

– Там нет ее адреса?

– Нет, Лева сюда только свои стихи записывал.

– Можно посмотреть?

– Пожалуйста, смотрите.

Антон, перелистывая страницы, стал читать рифмованные строчки. Почти все стихотворения Зуева были о любви. В общем-то, как говорят, складные, но откровенно подражательные. Бегло долистав до конца, Бирюков отложил тетрадь и еще раз прочитал отпечатанный на машинке «Ультиматум».

– «Карикатуристка» не Каретникова? – спросил он Любу.

– Не знаю, – тихо ответила Люба. – В общем, расскажу вам всю запутанную историю Левы с Дашкой... Когда учились в ГПТУ, у них любовь была. Брат прямо жить не мог без Дашки, ну и она... глазки ему строила. Когда бабушка наша умерла и Лева квартиру на себя оформил, даже свадьба намечалась. Но тут Леву энцефалитный клещ укусил. С ней же, с Дашкой, ездил в лес – и там... Дашка вроде бы сильно переживала, каждый день в больницу к Леве бегала. А как только его выписали, она вильнула хвостом и за какого-то старика замуж выскочила. Лева чуть с ума не сошел, пытался Дашку образумить. У них какой-то скандал был. Леву в милицию вызывали, даже под суд отдать грозились. Подробности я не знаю, но когда старик Дашкин умер, все затихло. И преподобная Дашенька опять к Леве зачастила. А у нее бесчисленное количество поклонников. Может, они и... убили Леву?...

– Все может быть. Брат ничего на эту тему не рассказывал?

– Лева очень замкнутым был. Я старалась к нему в душу не лезть. Сердцем чувствовала, что Лева и без моих расспросов тошно. А тут еще у самой неприятности начались...

– Какие?

– Парни повадились в общежитие звонить. Почти каждый день приглашают к телефону и загадочными намеками встречу назначают, сальности всякие плетут.

– Не угрожают?

– Нет, просто хамят, подонки, и все.

– С Каретниковой не разговаривали насчет Левы?

– С Дашкой бесполезно говорить. Она из воды сухая выйдет. Как-то встретились, спрашиваю: «Зачем ты над Левой издеваешься? Чего за нос его водишь?» Дашка напрямую, будто в порядке вещей: «Не могу же за инвалида замуж выходить. Так хромает, что стыдно рядом

идти». – «А со стариком не стыдилась?» – «Старик коньки отбросил и квартиру в центре города мне оставил. Вот если Левчик поправится, перестанет хромать, мы с ним свадебный пир на весь мир устроим». Высказала я от всего сердца, кто она есть на самом деле, на том и расстались. Каждая при своем мнении...

– В какой обуви брат ушел из дома? – внезапно спросил Бирюков.

– В белых кроссовках «Адидас» – Дашка недавно ему подарила на день рождения. – Люба недоуменно глянула на Антона. – А что?...

– Разули его.

– Ой... В морге я даже не заметила этого. Следовательно что-то спрашивал насчет обуви, а я, как чумная, только головой крутила...

Бирюков взял со стола фотографию Каретниковой. Рассматривая ее, сказал:

– Придется забрать у вас некоторые письма и портрет этой красавицы. Кстати, она не уроженка Новосибирска?

– Нет, из Ордынского района в ГПТУ приехала.

– А ваши родители где живут?

На глазах Любы в который уже раз навернулись слезы:

– В пригородном совхозе жили. Позапрошлой зимой рано закрыли печную трубу и угорели. Теперь я одна осталась. Не представляю, как Леву похоронить...

– Завтра утром к вам придет участковый инспектор милиции. Поможет организовать похороны.

– Спасибо, – еле слышно проговорила Люба и уткнулась лицом в ладони.

Глава V

Сбор информации о Зуеве Слава Голубев начал с опроса жильцов соседних квартир, однако ничего от них не узнал. Все удивленно пожимали плечами и отговаривались, что почти не знают недавно подселившегося соседа. От бесплодных разговоров оптимизм Голубева несколько увял. Чтобы собраться с мыслями, Слава вышел во двор и сел на скамейку у песочной площадки.

Во дворе мальчишки гоняли большой полосатый мяч. Под ногами у них путался крепенький розовощекий малыш. Изю всех силенок он пытался завладеть мячом, но опережали более взрослые. Основательно запарившись, мальчик подолом рубахи обтер вспотевшее лицо, устало подошел к Голубеву и отчетливо, чуть не по слогам, проговорил:

– Здравствуйте.

Голубев улыбочиво подмигнул:

– Здравствуй, будущий Пеле.

– Меня Димой зовут.

– Извини, пожалуйста. – Слава, подхватив мальчика под мышки, усадил рядом с собой на скамейку. – Как живешь, Дима?

– Хорошо живу, – малыш показал растопыренные пальцы на одной руке и мизинец – на другой. – Мне скоро вот сколько лет будет, полных шесть.

– Ну, молодец! В детский садик ходишь?

– Садик ремонтируют. К нам мамина бабушка из деревни приехала. Говорит, до зимы меня будет каравулить. У меня еще бабушка есть. Только бабе Маше некогда со мной водиться. Она пенсию зарабатывает. А мамина баба Феня давно заработала...

– Ух, какой ты богатый бабушками! Во дворе играешь?

– Да, – малыш показал на песочную площадку. – Вот здесь крепости строю.

Слава повернулся к черемуховому кусту, загораживающему окно Зуева:

– Дим, кто живет в квартире вон за тем деревом?

– Это дерево чуромухой называется, – с трудом выговорил Дима. – Бабушка говорит, на чуромуху нельзя лазить. Упасть можно, и тогда горб на спине вырастет.

– Верно, – поддерживая разговор, сказал Голубев. – Так кто же живет за черемухой, не знаешь?

– Знаю. Хромой музыкант там живет. У него в комнате много-много музыки.

– Ты был у музыканта в гостях?

– Нет, он меня в гости не звал. Мальчишки через окно видели. А я не видел. Бабушка говорит, нельзя в чужие окна заглядывать.

– Почему же мальчишки заглядывали?

– Они большие. Их бабушки уже не каравулят.

– А они из комнаты через окно ничего не вытаскивали?

– Нет, только музыку посмотрели.

– А кто из вашего двора еще любит музыку?

Дима ладонью потер нос:

– Дядя Федя на гармошке играет. Когда с полочки надерется, громко поет, как он на почте служил ямщиком.

– Выпивает дядя Федя?

– Не знаю. Это бабушка, как услышит песню, говорит: «Опять Федька с полочки надрался».

«Музыкальный» вопрос оказался малышу не по зубам. Слава хотел было попросить Диму, чтобы тот познакомил со своей бабушкой, которая «каравулит» его во дворе и навер-

няка знает о мальчишках, заглядывавших в окно к хромоту музыканту. Но в это время к скамейке подошла энергичная старушка в длинной, будто с чужого плеча, вязаной кофте. Окинув Голубева пристальным взглядом, она строго спросила:

– Почему, гражданин, с ребенком заигрываешь? Умыкнуть хочешь?...

Голубев засмеялся:

– Соображаю, кому бы такого джигита под контроль сплавить.

– Ты мне зубы не заговаривай!

– Честное слово, не ворую. – Слава достал из нагрудного кармана рубашки служебное удостоверение. – Я в милиции, бабуся, работаю. Сам воров ищу.

Старушка, прищурясь, заглянула в развернутые корочки. Будто читая по слогам, шевельнула губами и подобрела:

– Это другой табак, а то – джигит... Тут такие джигиты мельтешат, того и гляди чегони-будь стибрят. Да и люди теперь всякое говорят...

– Не слушайте пустые разговоры.

– Здоров живешь! Как не слушать? Из пустого не придумают. Видать, что-то было на самом деле, коль говорят. Сам-то чего, прошлогодний снег здесь ищешь?

– Из тринадцатой квартиры через форточку магнитофон утащили.

– О, батюшки! У хромого музыканта?

– У него.

– Когда?

– Четыре дня назад, пятнадцатого числа.

– Это, стало быть... В понедельник?...

– Так, выходит.

– Жалко инвалида. Очень приветливый, ласковый паренек. – Старушка вдруг подняла со скамейки любопытно притихшего внука и поставила его на землю. – Топай, Димочка, домой. Мама оладушков испекла, тебя поджидает.

Мальчик с неохотой, но беспрекословно пошел к подъезду.

– Хороший малыш, послушный, – глядя ему вслед, сказал Голубев.

Старушка присела на скамейку. Чуть помолчав, вздохнула:

– В таком возрасте все хорошие да послушные, а подрастут – закусывают удила.

– Вас как зовут, бабуся?

– Федосей Андреевной. – Старушка опять вздохнула. – Своровали, говоришь, у инвалида музыку?

– Своровали.

– Вот несчастье... Это, так и знай, кто-то из подрастающего молодняка набедокурил. Помешались ныне молодые на музыке. Вот, к примеру, возьми мою внучку Татьяну, старшую Димину сестру. В восьмом классе учится. Считай, невеста. А прибегает из школы и... загудело все в квартире. Такую оглушительную музыку заводит, хоть из дому убегай. На прошлой неделе подарила ей ко дню рождения десятирублевку. Купи, мол, сама себе подарок. И что, думаешь, купила?... – Старушка протянула сморщенную ладонь. – Вот такую, меньше моей ладошки, фитюльку с музыкой. «Пленка» – называется. А на той пленке: то ли черти горох молотят, то ли ведьмы с подвывом горшки об пол бьют. Покачала я головой: «Эх, Татьяна, не жаль тебе было спалить десятку за такое дерьмо?» Она от удивления глаза тарачит: «Ты что, бабуленька?! Это настоящий американский рок!» Вот и поговори с ней...

– Где Татьяна купила эту музыку? – заинтересовался Слава.

– В магазине, должно быть.

– В магазинах такое не продают.

– Ну, видать, жулик какой-то Татьяну облапошил.

– Федосья Андреевна, – спросил Голубев, – подростки часто в окно к хромому музыканту заглядывают?

– Почти каждый день пляются. Музыкант сам с ними заигрывает.

– Из вашего двора мальчишки?

– Нашенские.

– А чужие здесь бывают?

Старушка задумалась:

– В понедельник... или во вторник, не могу точно вспомнить, два посторонних стригунка, лет по двенадцати, на черемуху за ягодой хотели взобраться. Я прикрикнула, чтоб сучья не обломали. Их как ветром со двора выдуло.

– Не они ли в форточку залезли?

– Кто их знает. Шустрые были мальчуганы. Один конопатый, как сорочье яйцо, у другого личико чистенькое.

– Одеты как?

– Оба в школьной форме.

– Волосы какие?

– Конопатый – светленький, другой – чернявый. Подстрижены коротко. Видать, перед началом школьного года в парикмахерской были.

– Вы в какое время обычно во дворе находитесь?

– Считаю, целыми днями тут вот сижу. Только после обеда, когда Дима на часик засыпает, отсутствую... – Старушка вдруг придвинулась к Голубеву и понизила голос: – Слушай-ка, а ведь в понедельник утром появлялся в нашем дворе подозрительный мужчина. Годов ему этак... возле сорока. Роста приличного, белесый и круглолицый. Одет хорошо. Белые наутюженные штаны; рубаха, видать, заграничная – с разными картинками вдоль и поперек; на макушке расписная тубетейка. Другими словами, если по одежке судить, человек интеллигентный. Но руки рабочие. И улыбка нехорошая, от уха до уха. А во рту, поверь моему слову, сплошь золотые зубы...

– Что этот мужчина здесь делал? – быстро спросил Голубев.

– Музыканта хотел дожидаться, но тот поздним вечером домой заявился.

– Долго ждал?

– Во двор он зашел около десяти. Аккурат я с Димой из квартиры вышла. С полчаса посидел со мной на этой вот лавочке. Потом где-то по райцентру часа два мотался. Вернулся уже после обеда. Еще минут двадцать о разных пустяках со мной поговорил. Признаться, я без охоты с ним разговаривала и прямо высказала, мол, чего-то ты, гражданин, не вызываешь у меня доверия. Он не обиделся. Тебе, говорит, мать, прокурором надо работать. Но в данный момент подозрения твои ошибочны. «А какая нужда приспичила к хромому музыканту?» – спросила. – «Дружки мы с ним. Хочу подработку дать». После этих слов закурил папиросу и быстренько испарился. Вечером, когда музыкант домой прибыл, рассказала ему о «дружке». Тот удивился: «Нет у меня, бабушка, такого друга, с золотыми зубами».

– Не испугался?

– А чего пугаться? Только плечами передернул.

– Как он вообще, музыкант?...

– Безотказный, услужливый паренек. По ремонту музыки большой спец. Соседи распознали, ну и зачастили к нему с просьбами насчет неисправных телеков да прочего радио. Наше бытовое обслуживание без радости встречает клиентов. Придешь в бытовку, а там то нахамят, то запчастей нету, то очередь такую создадут, что и до морковкиного заговенья не дождешься починки. А музыкант придет в дом, покумекает возле неисправного телека, смотришь, тот разом и заиграл как новенький... – Старушка помолчала. – И, главное, вроде из чистого интереса неисправности устраняет, денег за починку с соседей не берет. Только материалы просит

оплачивать. Ну это и понятно: не станет же мастер из собственного кармана еще и запчасти доставать. Скажи, не так?...

– Так, – согласился Слава.

Разговор со старушкой вдохновил Голубева. Он почувствовал внутренний подъем еще и оттого, что инвалид Зуев был, кажется, порядочным человеком. Вообще-то Слава не делил потерпевших на положительных и отрицательных, но порядочных людей, когда волею случая или злого умысла на них обрушивалось несчастье, жалел больше. Поэтому при раскрытии преступлений, где пострадали невинные люди, Голубев работал вдохновеннее и напористее.

Взяв мысленно на заметку «золотозубого в тюбетейке», как про себя окрестил Слава мужчину, показавшегося Федосье Андреевне подозрительным, он поинтересовался у старушки, в какое время прибыл Зуев домой в понедельник вечером.

– Сразу после ужина со стороны железнодорожного вокзала пришел. Налегке, без багажа, – ответила Федосья Андреевна.

– Бывало, и с багажом появлялся?

– Иногда подкатывает к подъезду на такси. То какие-то коробки привозит, то, видала, телевизор как-то выгружал.

– А клиенты к нему на машинах не приезжают?

– Теперь машин развелось, не сразу поймешь, кто к кому едет.

– Когда вы последний раз видели музыканта?

Старушка, будто считая, принялась загибать пальцы:

– После ужина во вторник Дима тут в песочке копался, а я на лавочке так же сидела. Аккурат в это время музыкант и появился с красивенькой барышней. Поздоровался со мной. Я пошутила: «Никак невесту подхватил?» Он сконфузился: «Сестренку, бабушка, на вокзале встретил. Из Новосибирска приехала». Вот и все.

– Больше не видели?

– Нет. Барышню ту сегодня видала. С нашим участковым милиционером куда-то из дому уходила.

– Другие «сестренки» здесь не надоедают?... – опять намекнул Слава.

– Ни-ни! В этом отношении очень скромный паренек.

С улицы во двор вошла высокая девушка в модной курточке и белых «бананах». Увидев ее, старушка доверительно шепнула Голубеву:

– Глянь, моя Татьяна тут как тут. Во, в какую лосиху вымахала...

– Надо бы узнать, у кого она пленку с американским роком купила, – быстро сказал Слава.

– Сейчас узнаем. Татьяна!.. – окликнула девушку Федосья Андреевна.

– Что, бабуленька?

– Ходика, милка, сюда...

Девушка неторопливо подошла к скамейке. Скосив ироничный взгляд, поздоровалась с Голубевым. Старушка снизу вверх посмотрела на нее:

– Скажи, милая, где продают американскую музыку, которой ты мне всю голову заглушила?

– В магазине.

– В каком?

– Где радиотовары.

– Не винти! В советских магазинах таким безобразием не торгуют, – старушка кивком указала на Голубева. – Между прочим, этот гражданин из милиции.

– Бабулька!.. – Девушка, наигранно испугавшись, расширила чуть подкрашенные глаза. – Нельзя пугать детей милицией. Это запрещено. Наша милиция – лучшая в мире.

Татьяна оказалась не из робкого десятка и с юмором. Разговорившись с ней, Слава узнал, что японскую кассету для портативного магнитофона она действительно купила за девять рублей в районном магазине радиотоваров, а музыку записал на пленку Лева Зуев бесплатно.

Беседу с Федосьей Андреевной Голубев закончил в сумерках. Когда он зашел в квартиру Зуева, чтобы выяснить, не знает ли Люба золотозубого человека в тубетейке, Бирюков уже собрался уходить. Они остановились в небольшой прихожей, тускло освещенной настенным светильником. По словам Любы, среди знакомых брата не было мужчин с золотыми зубами, и, тем более, никто из них не носил редкую для Сибири тубетейку.

На этом Бирюков и Голубев расстались с Любой. Перед тем как разойтись по домам, обменялись информацией.

– Игнатъич, почему Зуев написал заявление о краже магнитофона, а в милицию не передал?... – спросил Слава. – Тебе не кажется, что он из страха придержал свою бумагу?

– Может, из страха, а может, просто не успел, – ответил Антон и показал цветную фотографию Каретниковой. – Не встречал эту красавицу?

– Нет, – внимательно посмотрев на снимок, сказал Голубев.

– Ты вот что... Завтра утром пригласи участкового Дубкова и вместе с Владимиром Евгеньевичем помогите Любе Зуевой организовать похороны брата.

– Игнатъич, я в похоронных делах – профан. Там ритуалы...

– Без ритуалов, Слава, по-человечески. Кстати, приглядиись, кто придет проститься с Зуевым.

– Сейчас меня больше интересует, кто увез Зуева из дома, – сделав ударение на слово «кто», со вздохом проговорил Голубев.

– Надо искать его связи. Без них ничего не сделать.

Глава VI

Утреннее оперативное совещание у начальника районного отдела внутренних дел подполковника Гладышева, как обычно, началось с доклада дежурного. За прошедшую ночь происшествий в районе не случилось, поэтому доклад носил чисто формальный характер и занял не больше двух минут. По заведенному правилу, после дежурного Гладышев предоставил слово Бирюкову. Когда Антон подробно рассказал о деле Зуева, подполковник нахмурился:

– Надо срочно выяснить в областном управлении...

– Сегодня спозаранку уже выяснил, Николай Сергеевич, – не дал ему договорить Бирюков. – Ни в областном, ни в городском управлениях о Зуеве никаких сведений нет.

– Какие оперативные меры думаешь принять?

– Вначале оглядимся здесь, а потом, видимо, придется ехать в Новосибирск. По-моему, оттуда ниточка тянется...

В разговор вмешался начальник районной госавтоинспекции Филиппенко:

– В какое время и на какой машине увезли Зуева?

Бирюков повернулся к нему:

– По словам сестры, приехавшие за Левой Зуевым отрекомендовались сотрудниками милиции. Сколько их было, она не знает. Машину тоже не видела. Время, ориентировочно, около двадцати трех.

Филиппенко полистал записную книжку:

– Красные «жигули» вас устроят?...

– Меня, Гриша, устроит даже любой намек.

– Тогда слушай. Шестнадцатого сентября, во вторник, в двадцать три десять один из наших общественных инспекторов хотел остановить у железнодорожного вокзала красного жигуленка ноль-третьей модели, чтобы предупредить водителя о превышении скорости. На участке у вокзала, как известно, движение ограничено до тридцати километров. Этот же каскадер мчался за семьдесят. Сигналу общественника не подчинился, и тот хотел взять нарушителя на карандаш, но... задний номерной знак был забрызган грязью. Удалось различить только последние две цифры – восемьдесят восемь и буквенный индекс – НБ, присвоенный Новосибирской области.

– Сколько человек ехало в «жигулях»?

– Двое в штатской одежде впереди и один на заднем сиденье, вроде бы в военной или в милицейской форме.

– Подробнее общественник их не разглядел?

– Нет, слишком быстро мчались.

– Куда ж они так спешили? – словно самому себе задал вопрос Бирюков.

Филиппенко развел руками:

– Не знаю, куда, но торопились выехать из райцентра. Даже железнодорожный переезд проскочили при закрытом шлагбауме. Об этом, кстати, осталась запись у дежурной по переезду.

– И тоже – только последние две цифры и буквенный индекс?

– К сожалению, да.

Подполковник Гладышев насупленно посмотрел на начальника госавтоинспекции:

– Почему, Григорий Алексеевич, частники гоняют у тебя на повышенной скорости да еще и с замазанными номерами?

– Это не у меня, Николай Сергеевич, – вспыхнул обидчивый Филиппенко. – В нашем районе красных «жигулей» ноль-третьей модели с госномером, оканчивающимся на восемьдесят восемь, вообще нет. Это из другого района каскадеры к нам заезжали.

– Надо разобраться с ними!

– Естественно, разберемся.

Подполковник обвел взглядом присутствующих:

– Хватит, товарищи, совещаться. Начинайте работать...

Вскоре после обеда к Бирюкову зашел Слава Голубев. По его невеселому лицу Антон догадался, что настроение у оперуполномоченного, несмотря на солнечный день, пасмурное. В подобных случаях Бирюков не любил сгущать краски, поскольку из собственного опыта знал: ничто так отрицательно не действует на сложную розыскную работу, как «руководящие накрукты».

– Что, сыщик, нос повесил? – спросил Антон.

– Не утешай, Игнатьич, – сказал Голубев. – У меня возникает подозрение: не сочинил ли Зуев о краже магнитофона?...

– Зачем?

– Райцентровские ребятишки о японском «Национале» представления не имеют. Удалось отыскать «стригунков» Веньку Жокеева и Стасика Пластунова. Хорошие мальчуганы. Без запираательства признались, что в понедельник днем действительно хотели нарвать черемухи, но сердитая бабка прогнала их со двора. Мальчишки побежали к железнодорожному вокзалу. Там, возле летнего досаафовского тира, видели золотозубого в тюбетейке. Мужчина недолго пострелял из воздушки по мишеням и укатил на электричке в сторону Новосибирска. Никакого магнитофона у него не было. И на подоконнике за черемухой мальчишки «музыки» не видели.

Бирюков достал из сейфа заявление Зуева. Внимательно перечитав его, сказал:

– По-моему, магнитофон украли рано утром. Зуев, вероятно, ушел из дома в шесть утра. Время для форточников самое удобное: соседи еще спят крепким сном, улицы в такую рань обычно пустынные...

Голубев промолчал. Оживился он лишь после того, как Антон рассказал о красных «жигулях».

– Игнатьич, это хорошая зацепка! – воскликнул Слава. – Не зря я поручил инспектору Дубкову поговорить со сторожами «Химчистки» напротив дома Зуева. Может, из них кто-то видел приезжавших за Львом Борисовичем. Договорились, если будут новости, Дубков сразу зайдет к тебе. Помозгуем втроем, а?...

– Как дела с похоронами? – спросил Бирюков.

– Пока я мальчишек искал, Владимир Евгеньевич всю организационную часть провернул. Прощаться слевой никто не приехал, кроме Любиных подружек, которым она вчера после нашего визита позвонила.

– Ты все-таки проследи это дело до конца.

– Разумеется, прослежу.

Участковый инспектор Дубков не заставил долго ждать себя. Он неторопливо уселся на стул и посмотрел на Бирюкова:

– Обстановка складывается неопределенная. Я, между прочим, предупредил Зуева, чтобы не устраивал в окнах выставку радиотоваров. Парень был скромный, неглупый, а вот не внял совету...

– Евгеньич, не тяни, – нетерпеливо обратился к участковому Слава Голубев. – Что узнал у сторожей «Химчистки»?

– По ночам «Химчистку» охраняют поочередно два старика из подрабатывающих пенсионеров. Оба сторожа наблюдательностью и памятью не блещут, однако один из них, дежуривший ночью с воскресенья на понедельник, видел рано утром коричневую или красную – точно он не определил – легковую автомашину, подъезжавшую к седьмому дому на Озерной. Сколько

человек было в машине и как они выглядели, сторож сказать не смог. И потом, близко к полуночи со вторника на среду вроде бы эта же легковая быстро промчалась мимо «Химчистки».

– А после полуночи она не подъезжала к дому Зуева? – спросил Бирюков.

Участковый вздохнул:

– Сторож утверждает, что не подъезжала, но, по моим предположениям, он в полночь залег в глубокую спячку и, кроме сновидений, ничего не видел...

Зазвонил телефон. Бирюков ответил, и тотчас в трубке послышался тревожно-торопливый женский голос:

– Это Люба Зуева. Говорю от соседей. Только что в нашем дворе был мужчина, которым вы вчера интересовались. Понимаете, привезли из морга Леву, и тот, в тубетейке, появился. Как увидел гроб, сразу исчез.

– Не заметили, куда он направился? – спросил Антон.

– Кажется, к железнодорожному вокзалу.

– Хорошо, что позвонили. Все ли нормально с похоронами?

– Спасибо, скоро... на кладбище. Если бы не ваш участковый, не знаю... – Голос Любы сорвался.

– Крепитесь. Слезами в таком деле ничего не поправить.

– Да, конечно...

– Будет что-то нужно – звоните.

– Да, конечно, позвоню.

Положив телефонную трубку, Бирюков встретился с вопросительным взглядом Голубева.

– Золотозубый в тубетейке объявился, – Антон глянул на часы. – Ближайшая электричка – через два часа. Попробую перехватить его на вокзале.

Голубев вскочил со стула:

– Игнатъич, неспроста он здесь крутится! Тебя подстраховать на патрульной машине?

– Давай, на всякий случай...

Размашистым шагом Бирюков быстро дошел от райотдела до пустующей привокзальной площади. На противоположной от вокзала стороне, под могучим старым тополем, зеленел дощатый павильончик открытого тира. Здесь Антон и увидел плечистого блондина в тубетейке. Облокотившись на барьер, тот стрелял из воздушной винтовки по движущимся мишеням. Рядом любопытно глазели несколько подростков. Судя по их восхищенным лицам, блондин стрелял неплохо. Бирюков пригляделся к стрелку и вначале не поверил своим глазам. Это был Вася Сипенятин, с которым судьба уже сводила Антона несколько лет назад, когда работал старшим оперуполномоченным уголовного розыска в областном управлении. Задержали тогда Сипенятину по подозрению в убийстве, но, как выяснилось при расследовании, отвечать перед судом Васе пришлось за мошенничество с иконами.

Бирюков подошел к тире и, словно от нечего делать, стал наблюдать за стрельбой. Вася поочередно сбил все движущиеся мишени. Оставалось поразить только неподвижную ветряную мельницу. При попадании у мельницы должны закрутиться крылья, но попасть для этого надо в круглую пластинку величиной с пятак. Сипенятин спокойно зарядил винтовку, поправил на макушке тубетейку, облизнул пухлые губы, прицелился и выстрелил. Мельница не шелохнулась. Второй и третий выстрелы тоже прошли мимо. Вася сердито глянул на паренька-кассира, пересчитывающего от безделья свинцовые пульки:

– У тебя, пропагандист военных знаний, есть приличная винтовка, или все, как эта кочерга?

– Эта самая точная, – равнодушно ответил кассир.

– Чего ж мельница не вертится?

– Мазать не надо.

– Ну ты, герой!.. Между глаз так вмажу, что сам винтом завертишься.

- Разрешите – попробую, – предупреждая конфликт, сказал Бирюков.
- Одна девочка попробовала да стала мамой-одиночкой, – буркнул Сипенятин.

Антон улыбнулся:

- Мне такое не грозит.

– Ну, раз не грозит, то попробуйся. Попытка еще не пытка. – Вася мрачно протянул Антону заряженную винтовку.

Бирюков прицелился в центр кружка и плавно надавил спуск. Одновременно с выстрелом раздался металлический щелчок, и тотчас крылья мельницы зажужжали, словно пропеллер вентилятора.

– Ну, мля, даешь!.. – Сипенятин уставился на Бирюкова изумленными глазами. Лицо его медленно стало хмуриться. – Что-то, гражданин снайпер, вы мне прошлое напоминаете.

Бирюков положил винтовку на барьер:

- Мир тесен, Василий Степанович.

– Вспомнил!.. – будто обрадовался Сипенятин. – Ты ж меня, сермяжного, на последнем деле подловил. Во, встреча, да?! Не в Новосибирск путь держишь?

- Нет, я теперь здесь работаю.

- Наверно, районной милицией заворачиваешь?

- Начальником отделения уголовного розыска.

- Тоже заметная шишка. В Новосибирске, помню, старшим опером крутился.

- Время течет...

– Как дармовые деньги. – Вася сердито глянул на любопытно прислушивающихся мальчишек. – Ну что, пионеры, уши развесили? Брысь отсюда!

Мальчишки, разом сорвавшись с места, наперегонки помчались к вокзалу. Бирюков указал на пустующую под топодем скамейку и предложил Сипенятину:

- Присядем, поговорим?...

- Я по горло насиделся.

- Не в колонию приглашаю.

– Меня туда теперь сладким пряником не заманишь. – Сипенятин шагнул к скамейке. – Завязал я с прошлым, начальник. Хочешь, документы предъявлю?

- Предъяви, если они есть.

– Как не быть... – Вася вытащил из кармана белых брюк бумажник, достал из него блеснувший целлофановой обложкой паспорт и протянул Антону. – Смотри, завидуй!.. Все печатки и штампики законные, без липы.

Подлинность паспорта не вызвала сомнений. Выдан он был и прописан в Ташкентском районе Чиланзар. Бирюков возвратил документ. Вася игриво подмигнул – знай, мол, наших – и достал из бумажника заверенную круглой печатью справку, в которой значилось, что Сипенятин Василий Степанович работает водителем в Ташкентском автотрансагентстве. В настоящее время находится в трудовом отпуске сроком на сорок восемь рабочих дней, учитывая неиспользованные в процессе работы выходные и праздничные дни. Когда Антон ознакомился и с этим документом, Вася усмехнулся:

– Понял, начальник, с кем имеешь дело? Специально справочкой запасся. Без выходных и праздничных баранку кручу, а ты на хвост мне садись... – Он скопил глаза на остановившуюся у вокзала оперативную машину милиции. – Твои орлы на «воронке» подкатили?...

- Мои, – не стал скрывать Антон.

– Скажи, пусть на работу едут. Нечего им тут дурочку валять, пока мы с тобой молодость вспоминаем.

Бирюков подал Голубеву условный знак. Машина круто развернулась и укатила.

– Так лучше будет, – Сипенятин опять усмехнулся. – Не переносу трутней, которые используют каждый пустяк, чтобы ничего не делать.

– Давно таким трудолюбивым стал?

– Как тебе сказать... В Новосибирске я по молодости геройствовал. А когда посмотрелся в Узбекистане, сам себе приказал: «Кончай, Василек, блатную жизнь! Берись за шоферскую баранку и не взбрыкивай, пока жизни не лишился».

– Каким образом в Узбекистан попал?

– Рассказать – не поверишь. Последний срок свой после многих пересылок завершал в Ташкентской области. Начальником колонии был полковник Тухтабаев Хамид Каримович. Приглянулся, видать, я ему своей удалой биографией. Вызывает однажды с глазу на глаз и как обухом по лбу: «На волю хочешь?» Уставился я на него баран бараном – мне еще полтора года в зоне лямку тянуть, а он уже про волю запел. Что-то, говорю, гражданин полковник, с памятью моей стало. Не могу вспомнить: когда сел, когда на волю выходить. Он будто выстрелом в упор: «Освобожу условно-досрочно, если согласишься охранять моего брата, который в пригороде Ташкента районным сельским хозяйством управляет». У меня вообще мозга за мозгу зацепилась. С моими предыдущими судимостями условно-досрочное даже не светит. Прикинулся чудачком, дескать, мне привычнее воровать, чем охранять. Полковник опять свою линию гнет: «Прошрое твое в личном деле изучил. Потому и уверен, что охранником будешь надежным». При таком раскладе во мне азарт разыграл: «Гражданин полковник! Ежели выпустите на волю, по гроб буду обязан и вам, и вашему братцу, и его деткам». Вот так, запросто, и оказался я личным телохранителем начальника райсельхозуправления Султан-бая Каримовича Тухтабаева...

– Впервые слышу, что начальники районных сельхозуправлений имеют телохранителей, – сказал Бирюков.

– Официально такой должности не было. В штатных бумагах той шарашкиной конторы я числился специалистом по выращиванию винограда, а на самом деле – груши околачивал. Там, хочешь знать, у нас даже свой начальник был – мастер спорта по самбо. Как после на суде выяснилось, этот самбист, чтобы выбиться в главари, купил за пять тысяч справку о десятилетней судимости. Липовую, понятно. Во до какой хохмы дело доходило!..

Антон засмеялся:

– Анекдот?...

– Клянусь, не вру! Руководящие ворюги трясутся за собственную шкуру. Поэтому каждый ташкентский пупок из махинаторов имел персональную охрану. Мой шеф тоже басмачом был. Раскатывал я с ним, как фон-барон, на черной «Волге» по совхозам, оброк собирал. Счет деньгам не вел, потому что Султанбай Каримович взятки не пересчитывал. Нахапал – сказать страшно! Одних сотенных банкнот полную алюминиевую флягу, в каких молоко по магазинам развозят, следователи оприходовали. Про двадцатипятирублевки и десятки не говорю. Московский особо важный обэхаэсник на электрической счетной машинке полдня эти бабки подбивал. Эх, посмотрел бы ты, что там творилось, когда аресты начались!.. Кто петлю на себя накинул, кто в бега ударился, кто от инфаркта помер, а моего шефа паралич чуть не вдребезги разбил. Короче, такая буря разыгралась – глаза бы не смотрели!..

– Как же ты из этой бури выбрался? – спросил Бирюков.

– Пришлось и мне в следственном изоляторе посидеть. Потом, когда разобрались, выпустили. В телохранители не сам себя устроил. В условно-досрочном освобождении тоже был не виноват. За это служебное злоупотребление полковник Тухтабаев на отсидку пошел. Моему шефу Султанбаю Каримовичу, как только выяснили, что врачи за взятку ему паралич придумали, три пятилетки принудработ с конфискацией отвалили. На следствии я не темнил. Наоборот, откровенно закладывал шефа в его махинациях. Вот и отпустили меня на все четыре стороны, когда судебный процесс пошабашили. Решил больше счастливую рулетку не крутить. Гоняю теперь на междугородных трассах, фрукты в рефрижераторе с ветерком развожу.

– А каким ветром в наш район занесло?

– Второй раз на этой неделе приезжаю к Зуеву за песнями Высоцкого. Собственный магнитофон заимел, чтобы не дремать в дороге на дальних рейсах.

– Давно знаком с Зуевым?

– Прошлым летом он меня выручил одной кассетой. Я каждый год приезжаю в Новосибирск к матери. Хотел в местной студии грамзаписи разжиться любимой музыкой. Сунулся в шарагу, там мне дулю у порога показали. Дескать, из Высоцкого пишем только то, что на пластинках выходило. Обрадовали, называется. Пластинки можно в магазине купить. Мне дозарезу хотелось иметь шоферскую песню: «Я вышел ростом и лицом, спасибо матери с отцом» или что-нибудь в таком роде: «В тот вечер я не пил, не ел. Я на нее вовсю смотрел»... Приемщица – тощая вобла в очках – сидит, как страдающая несварением желудка, и слушать не хочет. Попробовал сунуться к этим, которые записи переписывают – пустой номер. Все деловые – не подступись!..

– С Зуевым на студии познакомились? – поторопил Антон.

– Нет. Кирюха один по старой дружбе подсказал.

– Какой?

– Женька Дремезов. В Новосибирске на Иркутской живет. Зуев тогда в соседях с Женькой жил. Для куража поломался немного, но одну мировецкую кассетку все-таки сделал.

– Сколько за работу взял?

– Ерунду, всего пятнадцать хрустов. Из них почти десятку сама кассета стоит.

– Цену Зуев назначил или ты сам столько предложил?

– Когда я пришел за кассетой, Зуева дома не было. Какая-то арапистая девка счет мне предъявила.

Бирюков показал Сипенятину цветную фотографию Каретниковой. Глянув на нее, Вася выпятил толстые губы:

– Ууу, какие сиськи-масиськи!..

– Не она? – спросил Бирюков.

Сипенятин с интересом пригляделся:

– Начальник, кажется, она...

– Кажется или точно?

– Точно эта бичиха! Только в тот раз грудь у нее была не нараспашку.

– Что она делала в квартире Зуева?

– Сигаретой, как паровоз, дымил. Не разобравшись, хотел было с ней трали-вали завести, а когда пригляделся, смикитил, что с такой марухой лучше не связываться.

– Почему?

– Замашки у нее, как у бичихи трассовской. Есть такие наглые туристки, которые обслуживают шоферов на автотрассах. Лично я презираю их.

– По-моему, на трассы она не выходит.

– Но Зуева доит самым наглым образом. Когда я три пятерки ей за кассету выложил, она один пятерик с ходу в свой лопатник сунула, а две бумажки на столе оставила. Выходит, Зуев только кассету окупил, а навару ему за работу – от бублика дырка. На Левином месте этой подельнице я так бы мордашку начистил, что она раз и навсегда запомнила, какую долю себе хапать.

– Может, у них свои счеты.

– Дураку понятно, что за женские услуги бабы сдачи не сдают. Но почему, штучка с ручкой, заработанные Левоу деньги без него делит?... – Сипенятин уставился Бирюкову в глаза. – Начальник, что с Зуевым случилось?...

– А что с ним могло случиться? – словно не понял Антон.

Вася обидчиво надулся:

– Не темни. Ты ведь не для того цветную карточку этой зазнобы при себе таскаешь, чтобы оголенными прелестями любоваться. Да и я давно из пионерских штанишек вырос, кое-что нехорошее заметил...

– Что именно?

– Пришили Зуева, вот что. Заявляюсь сегодня, как фрайер, к нему, вижу, что-то не того... Не успел оглядеться – катафалк подкатывает. «Во, – про себя думаю, – явился, придурок, на поминки!» Мигом сгреб пятки в охапку и утек от греха подальше...

– Чего испугался?

– Условный рефлекс сработал.

– Откуда узнал здешний адрес Зуева?

– Все тот же Женька Дремезов подсказал. Когда-то мы с Женькой по-черному киряли. У меня, хочешь знать, почти все судимости от водки. То денег на похмелку не хватало, то на геройство волокно. Теперь пить бросил – сам себя не узнаю.

– Дремезов тоже «геройствовал»?

– Нет, Женька алкаш с высшим образованием. Он в уголовщину не ввязывался и судимостей не имеет. Интересный был мужик, но от этого дела... – Вася щелкнул себя по горлу, – мозги набекрень съехали.

– Сам-то своей нынешней жизнью доволен?

– С моим прошлым лучшего не придумаешь.

– Не женился?

– Официально – нет. Прописался в пригороде Ташкента у одной узбечки. Геройская вдова, то есть настоящая мать-героиня. Одиннадцать штук нарожала! И все такие шустряки – ухочешься. Прошлым летом пятилетний Кадыр целую неделю бродяжил. И никто не заметил, что его нету. Милиция в дальнем конце города задержала сорванца. Другой бы нюни распустил, а он, пузырь, в амбицию: «Я потерялся! Почему не искали?» Понял, какой отчаюга растет?...

– Весело живешь.

– В зоне досыта наскучался, хватит. – Сипенятин поправил на голове тубетейку. – Значит, не хочешь сказать, что с Зуевым случилось?...

– Убили его.

– За что?!

– Об этом нам еще не доложили.

– Извини, начальник, за дебильный вопрос. Ножом?...

– В спину из самоделки выстрелили.

Вася сокрушенно покачал головой:

– Исподтишка, значит?... Вот сволочи!..

Антон посмотрел в сердитые Васины глаза:

– В понедельник утром у Зуева японский магнитофон через форточку утащили. Не слышал об этом?...

– От кого мне теперь про такие дела слышать?! – удивился Сипенятин. – Клянусь, начисто порвал с уголовкой. Не веришь, спроси у моей матери. Адрес знаешь: у Бугринской роши, улица Кожевникова. Заезжай в любое время, желанным гостем будешь.

Бирюков посмотрел на часы. За разговором время пролетело незаметно.

– Ладно, Василий, не упустит электричку. До свидания, – сказал Антон, поднимаясь со скамейки.

Сипенятин тоже встал:

– До пока, начальник. Авось и свидимся...

Глава VII

На следующий день рано утром Бирюков поехал в Новосибирск. В электричке было малолюдно, и под перестук колес на свежую голову хорошо думалось. Всю дорогу Антон перебирал в памяти вчерашние события.

Возвращаясь после разговора с Сипенятиным в райотдел, он увидел похоронную процессию и невольно отметил, как много людей собралось проводить Зуева в последний путь. Пришедший с похорон Слава Голубев сказал, что в основном на похоронах были соседи Зуева. Даже за небольшой срок они успели полюбить скромного паренька-инвалида. Из приезжих были только Любины подружки. Перед похоронами Дубков предлагал Любе нанять духовой оркестр, но Люба наотрез отказалась от музыки. На «оркестровые» деньги она накупила алых гвоздик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.